

13. Таран Т. Д. Роки першої російської революції (1905–1907 рр.). Д.: Дніпропетровське книжкове видавництво, 1959. 52 с. (З історії Дніпропетровської обласної партійної організації. Вип. 3).
14. Филоненко В. Рабочая Чечелевка // Днепр вечерний. 1986. 6 ноября.
15. Шатров М. Путь городской окраины. Старая и Новая Чечелевка // Днепровская правда. 1947. 25 нояб.
16. Его же. Брянская площадь // Днепров. правда. 1964. 5 нояб.
17. Его же. Город на трех холмах: Книга о старом Екатеринославе. Днепропетровск: Промінь, 1966. 332 с.
18. Его же. Красная Чечелевка // Днепровская правда. 1962. 24 окт.
19. Его же. Первый решительный бой. К 60-летию августовской стачки 1903 г. в Екатеринославе // Днепров. правда. 1963. 20 авг.
20. Его же. «Химия» екатеринославских большевиков // Днепров. правда. 1964. 15 марта.

В.Б. Безгин

Тамбовский государственный технический университет

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Аграрные беспорядки, начавшие в 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, стали следствием бедственного положения российской деревни. Аграрное перенаселение, особо остро ощущаемое в губерниях Центрального Черноземья, делало требование ликвидации помещичьего землевладения актуальным. В борьбе за землю с целью вытеснения ненавистного помещика крестьянство использовало весь арсенал традиционных средств борьбы. Стихийный характер крестьянского движения начала XX в. отнюдь не противоречил утверждению о ведущей роли сельской общины в аграрных выступлениях. В условиях социальной войны «мир» заявил о себе как о силе, способной мобилизовать крестьянские массы на упорную борьбу с помещиками и властью. И эту мощь ощутило как крестьянство, так и власть.

Главной проблемой для сельских жителей, как и прежде, оставалась нехватка пашенных земель, и решение этого вопроса русский мужик связывал с ликвидацией помещичьего землевладения. Из донесения орловского губернатора следовало, что «ожидание получить землю соседних помещиков среди крестьян было поголовное и давнее» [3,

ч.7, л. 90]. В рапорте министру юстиции от 9 марта 1905 г. сообщалось: «28 февраля 1905 г. разграблена и сожжена экономия великого князя Сергея Александровича в селах Долбенкине и Лобанова Дмитровского уезда Орловской губернии. Экономическое положение крестьян с Лобанова плохое. Надел чуть более 2 дес. на душу. Хлеба до новин не хватает даже в урожайные годы, а некоторым его не хватает до Рождества. Общинные земли стеснены и окружены владениями великого князя. Остро стоят проблемы выгона и прогонов скота. Крестьянам было запрещено не только прогонять по экономической земле скот, но и проходить и проезжать по не назначенным для этого дорогам, ловить рыбу в озере, купаться, собирать грибы и ягоды в лесу» [9, л. 9, 14].

В ходе острого противостояния помещикам крестьяне активно прибегали к таким традиционным приемам, как потрава лугов и посевов, самовольная запашка барских земель. И в этих формах борьбы четко прослеживалась роль сельской общины. Так, в Воронежском уезде весной 1906 г. производились самовольные запашки церковных земель и выпасы на помещичьих лугах. «Крестьяне поселка Каширского Московской волости Воронежского уезда на основании единогласного решения сельского схода 25 мая числом в 400 чел. распахали 25 дес. церковной земли. 27 мая в имени Паньшина при д. Петропавловки Рождественской волости 60 крестьян выпустили лошадей и потравили 10 дес. луга. На увещевания полиции крестьяне заявляли: «Пусть лучше нас убьют или пристрелят, чем умирать с голоду или дать подохнуть лошадям – нашим кормильцам» [12, л. 82]. Автор донесения в департамент полиции делал вывод о том, что такое настроение крестьян являлось результатом недорода прошлого года и голода, который охватил более половины сельских местностей губернии [12, л. 82].

«Потравы производились обыкновенно ночью, – сообщал острогожский исправник в рапорте воронежскому губернатору. – Крестьяне являлись толпами, вооруженные дубинками и косами, с угрозами гнали прочь объездчиков и сторожей и не только пасли свой скот на владельческих лугах, но даже косили и увозили к себе траву. Все эти действия они совершали скопом, как они говорили, «миром», и с ложным убеждением, что все творимое должно остаться безнаказанным» [5, с. 46, 48]. Последнее утверждение очень важно в выяснении мотивов крестьянского протеста. Прибегая к тем или иным формам протеста, крестьяне стремились санкционировать свои действия мирским приговором. Некий жандармский офицер заметил, что «весьма замечательное значение приобретает у крестьян слово “мир”. Они ссылаются

на него как на законную опору в противозаконных своих действиях». В народе живо непоколебимое убеждение, что «как скажут крестьяне, так царь и решит» [6, с. 11, 115].

Приговор сельского схода, который предврял ту или иную форму крестьянского протеста, придавал противоправным действиям в глазах жителей села некую легитимность. Община, служившая средством подчинения села коронной властью, неожиданно стала выступать как организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением, способная не только конфисковать барские земли, но и распределить их между общинниками.

О ведущей роли сельской общины в аграрном движении свидетельствуют следующие примеры крестьянских выступлений в регионе: «27 июля 1905 г. крестьянами с. Прудки Коротоякского уезда Воронежской губернии составлен приговор о насильственном захвате частновладельческих земель и произведены потравы скотом и поломка сада в соседнем имении»; «22 июня 1906 г. общество крестьян с. Ковылки Кирсановского уезда Тамбовской губернии составило приговор о том, что никто из них не имел права наниматься на работу к помещику за плату ниже установленной общественным приговором»; «Крестьяне д. Хитровой Стегаловской волости Елецкого уезда скосили 23 десятины посевной травы, на что предварительно был составлен общественный приговор. Местный сельский староста сам принимал участие в косьбе травы» [3, ч.7, л. 96, 97об.].

Пик аграрного движения пришелся на осень–зиму 1905 г., когда волнениями были охвачены все крупнейшие сельскохозяйственные регионы. Если с января по август 1905 г. в губерниях Центрального Черноземья произошло 243 выступления, то за период с сентября по декабрь – 725 [10, с. 34,69]. Всего в 1905–1907 гг. в Европейской России было отмечено 21513 крестьянских выступлений, из них 33,8 % были осуществлены в форме разгрома дворянских усадеб [11, с. 88, 89]. Эта форма крестьянской борьбы нанесла значительный имущественный ущерб помещичьим экономиям. На втором месте находились забастовки сельскохозяйственных рабочих и крестьян, составлявшие 22,1 % акций. Самовольная порубка частных лесов – 10–15 % случаев [11, с. 88, 89].

Разгромы усадеб сопровождались сожжением построек и уничтожением хозяйского имущества. Так, в июне 1905 г. крестьяне Борисоглебского уезда Тамбовской губернии разгромили хутора Елизаветинский князей Волконских, Хозяйский и Мягкий помещиков Аносовых, подо-

жгли имения Чернышова, Колобова и Хренникова [7, с. 34]. Крестьяне, по их собственным словам, сжигали жилые и хозяйственные строения для того, чтобы выдворить помещика из деревни хотя бы на два-три года, чтобы не допустить размещения там отряда карателей [4, с. 11].

Погромам имений крестьяне пытались придать видимость «законных» действий. И ведущая роль сельской общины в этом процессе очевидна. Нередко во главе крестьянского протеста стояли должностные лица сельского самоуправления, чаще сельские старосты, реже волостные старшины. Причиной активного участия старост в аграрных беспорядках был страх перед однообщественниками, намного превосходящий страх перед начальством, перед государственной властью [2, с. 252].

Даже по отношению к своему врагу – помещику они старались придерживаться принципа справедливости. Крестьяне, прежде чем вывозить зерно из имения, тщательно высчитывали, что нужно для трудового существования самому помещику, выделяли ему соответствующее количество хлеба, сена, скота и только после этого все забирали [8, с. 46]. Отличительной чертой погромного движения было отсутствие физического насилия. «Крестьяне заранее предупреждали владельцев, вскрывали амбары и увозили хлеб. В дом не заходили, денег не брали, насилия не чинили» [1, с. 32]. В Воронежской и Тамбовской губерниях местные власти отмечали «полное отсутствие случаев насилия над личностью, как самих землевладельцев, так и экономических служащих» [4, с. 12].

Для крестьянского движения в регионе было характерно сочетание всего многообразия форм крестьянского протеста. В справке от 28 ноября 1906 г., составленной в особом отделе департамента полиции, говорилось: «В Тамбовской губернии аграрное движение выразилось в довольно резкой форме. Летом сего года на многих экономиях происходили забастовки и насильственное удаление с работы сельских рабочих. Крестьянские сообщества составляли приговоры, устанавливающие цену на рабочие руки и арендную плату за помещичью землю, а в нескольких случаях имели место поджоги и разграбление владельческих усадеб. За последние три месяца крестьянские беспорядки продолжали проявляться в Балашовском, Кирсановском, и особенно в Козловском уездах и выразились в порубке владельческого леса, угоне скота с монастырского хутора и сожжения двух усадеб 24 октября Ляпунова и Романова, причем во время пожаров был разграблен хлеб и угнан экономический скот» [3, ч. 56(2), л. 323].

Требование повышения поденной оплаты труда наемных рабочих в рамках аграрного движения получило широкое распространение. Летом 1906 г. сельские сходы в Мценском, Севском, Елецком уездах установили нормы поденной оплаты (мужчинам – 1 руб., женщинам – 50 коп.) и воспретили своим однообщественникам наниматься к помещику за меньшую плату [3, ч. 7. л. 100]. По сообщению из Тамбовской губернии, «В с. Новочеркутине Усманского уезда, в с. Варварке и Григорьевке Козловского уезда 12 июня (1906 г.) началось брожение, выразившееся в снятии с землевладельческих полей рабочих и установлении цены на работу: 3 руб. мужчине и 1 руб. 50 коп. женщине в день или за уборку одной дес. 20 руб. Отсюда волнения перекинулись в Липецкий уезд» [3, ч. 56(1), л. 170].

В тех случаях, когда землевладельцы не шли на уступки и нанимали сельскохозяйственных рабочих из других сел, местные крестьяне прибегали к решительным действиям. В имении князя Баратынского 500 крестьян с. Ковылки Кирсановского уезда Тамбовской губернии насильно согнали работающих в поле наемных рабочих [3, ч. 56(1), л. 197]. На наш взгляд, эта форма аграрного движения свидетельствовала о том, что крестьяне не везде стремились к ликвидации помещичьего землевладения. В ряде мест, где местные жители получали часть дохода от работы на экономических землях, главной целью крестьян являлось не захват помещичьих земель, а повышение (порой весьма значительно) платы за выполнение сельскохозяйственных работ.

Особенностью аграрных беспорядков в губерниях региона было то, что они носили массовый характер. В погромах принимали участие все жители села, включая женщин и детей. Община пристально следила за тем, чтобы никто не остался в стороне, добиваясь поголовного участия односельчан.

На подъем крестьянского движения власть ответила репрессиями. В ряде мест пролилась кровь. Тысячи крестьян были привлечены к ответственности. Для многих рядовых участников сельских бунтов такой поворот событий был полной неожиданностью. В судебной хронике «Русского слова» приводился подробный отчет о суде над участниками аграрных беспорядков 19 февраля 1905 г. На вопрос прокурора: «Чем вы в таком случае объясните, что крестьяне, не имея вражды к экономии барона Мейндорфа, пошли ее грабить?» – свидетель показал, что кругом уже происходили грабежи или, как он выразился, «это безобразия, а безобразия всегда увлекает. Наши и соблазнились. И как это у них вышло – сами теперь не знают» [13, л. 3].

За правительственными репрессиями по отношению к участникам аграрных беспорядков последовала волна крестьянского «раскаяния». Типичным в этом плане представляется приговор, единогласно принятый 150 домохозяевами д. Екатеринопольской Кирсановского уезда Тамбовской губернии, содержащий слова покаяния за грабеж ржи с помещичьего поля, «совершенный по невежеству и наущению злонамеренных людей». Крестьяне, прося о помиловании и ссылаясь на «тяжкую годину военных испытаний» (1905 г.), кажется, вполне уверены, что их просьба будет удовлетворена властью [1, с. 92].

В прошении жителей хуторов Сторожова, Пирогова Семеновской волости Павловского уезда на имя управляющего К.В. Лангомера крестьяне писали: «Сознав свой незаконный поступок разгромом кордона и хуторов Оселедкова минувшего 25 и 27 ноября, мы ныне объята в великую скорбь за учиненный поступок, стыдно совестно и какими словами выразить вину перед Вами (...) и как случилось истинно мы не знаем и вину класть не на кого-либо. Сами виноваты, что послушались дьявольского совета злонамеренных и подлых людей» [14, л. 3об.]. В сопроводительном письме от 8 февраля 1906 г. управляющего именем Лангомера графине Воронцовой–Дашковой он указывал, что крестьяне искренне раскаялись в содеянном и просят простить их, подтверждал, что семьи арестованных крестьян находятся в отчаянном положении и голодают. Далее он приводил вопрос казачьего сотника участникам сельского бунта и их ответ на него. «Как вы могли, добрые люди, пойти на такое глупое дело?» – «Се не мы, а общество!» [14, л. 5].

Организирующая и направляющая роль крестьянской общины в аграрном движении начала XX в. стала для власти полной неожиданностью. В глазах власть предержащих произошла удивительная метаморфоза, превратившая общину из ее верного союзника в руководителя антиправительственных выступлений. Не видя истинных причин произошедшего, она лихорадочно искала «подстрекателей», побудивших «смирных» крестьян к бунту. Крестьяне охотно приняли эти правила игры. В ходе следствия в свое оправдание они указывали на действие неких «злонамеренных людей», объясняя свои деяния массовым помешательством. И в этом лицедействе они были столь убедительны, что их лукавство оставалось, как правило, незамеченным. Либеральная печать охотно подхватила и растиражировала этот миф, превращая государственных преступников в жертвы жизненных обстоятельств.

Аграрное движение 1905–1907 гг. наглядно продемонстрировало власти мобилизационные возможности и организационную мощь

крестьянской общины. Весь алгоритм погромов, начиная от принятия единогласного мирского приговора и кончая коллективной ответственностью за содеянное, являлся выражением привычного для крестьян общинного уклада. Характерно и то, что борьба крестьян за помещичью землю не нарушила привычный хозяйственный ритм. Если кто и ощущал революционную смуту, то это власть.

Библиографический список

1. Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906 гг.). СПб.: Зерно, 1907. 172 с.
2. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX–XX вв. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 552 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 106. Оп. 1906. Д. 700.
4. Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: мат-лы конф. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.
5. Крестьянское движение в Воронежской губернии (1864–1904 гг.): сб. док. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. 151 с.
6. Крестьянское движение в революции 1905 года. В документах / под ред. Н. Карпова. Л.: Государственное изд-во, 1926. 236 с.
7. Крестьянское движение 1905–1907 гг. в Тамбовской губернии: сб. док. Тамбов, 1957. 216 с.
8. Кретов Ф. Крестьянство в революции 1905 г. М.; Л.: Москов. рабочий, 1925. 136 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811.
10. Степунин В.А. Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905–1907 гг. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 167 с.
11. Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. 207 с.
12. РГИА. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 (II). Д. 700. Ч. 46.
13. Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 35.
14. Там же. Ф. 919. Оп. 1. Д. 92.